

связь может стать и действительно становится в той же статье У. А. Гуральника предметом всестороннего исследования. Что же касается эстетических потребностей в усвоении классики, то в советском обществе, например, они выступают весьма убедительно и явно. Несомненно, что социально-эстетические потребности и горизонты эпохи могут и должны быть в наше время неизмеримо шире, чем тот круг духовных интересов, который непосредственно обусловлен стоящими перед обществом практическими проблемами. В этом, кстати, залог и одна из причин быстрого прогресса в развитии художественной культуры.

В последние годы наша наука много и успешно работала над выявлением специфических закономерностей развития средневековой литературы, ее поэтики. «Возможно ли изучение памятников литературы Древней Руси в аспекте историко-функциональном?» (с. 98). Задавшись таким вопросом в начале своей статьи «Творчество Аввакума в историко-функциональном освещении», А. Н. Робинсон своим исследованием приходит к вполне определенному положительному ответу: «Освобождение литературы Древней Руси в восприятии читателей нового времени от функций вездетурных, ранее поглощавших ее преимущественно, и выделение ее функций нравственно-эстетических особенно важно в связи с тем, что эта литература по сравнению с окружавшими ее средневековыми литературами Востока и Запада в меньшей мере, чем они, отразила лирическую стихию человеческого духа, но при этом в гораздо большей степени возвысила публицистический пафос государственности и гражданственности» (с. 181).

В тонко проанализированных А. Н. Робинсоном высказываниях о протопопе Аввакуме Петрове, принадлежащих писателям и ученым разных эпох, обращают на себя внимание расточавшиеся похвалы его удивительному языку. Такие похвалы в сущности являются не чем иным, как признанием силы художественного воздействия сочинений Аввакума, его литературного таланта, заложенной в его произведениях способности открывать глубинные пласты демократической культуры допетровской Руси.

Один из фундаментальных вопросов литературоведения, на которые стремится дать ответ историко-функциональное изучение литературы, — это вопрос о причинах бессмертия классических шедевров, хотя вряд ли здесь можно надеяться на обретение «философского камня». А. Н. Робинсон приходит к такому заключению: «История литератур всех классовых обществ показывает, что памятники каждой литературы, только отражающие свою современность, гибнут вместе с ней, а памятники, борющиеся с современностью (с позиций архаичных или новаторских идеологий, которые кажутся авторам вечными), остаются в веках» (с. 177). Вероятно, такой вывод для ряда

памятников эпического или вообще повествовательного характера окажется справедливым. Но он лишен свойства универсальности. Как объяснить с его помощью бессмертие классических произведений пейзажной лирики в литературах Дальнего Востока или, например, армянской средневековой любовной поэзии?

В своей статье А. Н. Робинсон по существу переходит от историко-функционального освещения отдельного произведения к изучению вопроса о воздействии на духовную жизнь общества в разные эпохи образа великого писателя. В данном случае это, разумеется, вполне оправданно: «Житие» рассказывает о самом авторе. В самом значении личности автора для «Жития» справедливо усматривали решительный отход от средневековых норм.

Особо выдающуюся роль притягательности личности автора для усиления интереса к его произведению показывает на материале литературы нового времени А. Л. Гришунин в статье «Горе от ума» в литературно-общественном сознании XIX—XX вв.». «Лирически окрашенный драматизм произведения в восприятии читателя и зрителя, — заключает А. Л. Гришунин, — усиливается всем тем, что известно о личности Грибоедова, о его общественно-политической, писательской и личной судьбе. Личность Грибоедова неотделима от главного его создания — „Горя от ума“. Вся жизнь и трагическая участь автора может служить комментарием к его пьесе: смерть Грибоедова — ее своеобразный эпилог» (с. 184).

При всей индивидуальности судеб отдельных произведений русской литературы существует, тем не менее, возможность установления и здесь некоторых историко-типологических закономерностей. Обращает на себя внимание, сколь правы те исследователи, которые подчеркивают особую важность восприятия произведения современниками писателя (это превосходно показано и в статье А. Л. Гришунина, и в статье Е. И. Усок). Оно является в историческом смысле неповторимым, непосредственным, свежим, поскольку далее обычно следует этап канонизации большого писателя. На характер канонизации влияют факты личной судьбы писателя, например его трагическая гибель.

В рецензируемой книге наиболее последовательно и четко, на богатом материале, собранном автором, раскрываются разные этапы истории восприятия и интерпретации произведения, созданного полтора столетия назад, — это статья И. Е. Усок «Роман А. С. Пушкина „Евгений Онегин“ и его восприятие в России XIX—XX вв.». В связи с вопросом о периодизации самой истории интерпретации того или иного произведения становится яснее, насколько прочно в сознании читателя нового времени сопряжены образ автора и его шедевр, сколь важно